УДК 327.5

Филипп ТРУНОВ

ГЕРМАНО-ШВЕДСКИЕ ОТНОШЕНИЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Аннотация. В статье рассмотрены военно-политические предпосылки углубления сотрудничества Германии и Швеции в текущем десятилетии. Прослеживается увеличение места Королевства во внешнеполитическом планировании ФРГ, особенно в области международной безопасности. Раскрыты вопросы использования сторонами потенциала многосторонних переговорных площадок с совместным участием. Исследованы вопросы координации усилий по урегулированию вооружённых конфликтов в нестабильных странах Азии и Африки (в первую очередь, в Мали). Показаны заинтересованность ФРГ в неприсоединении Швеции к НАТО де-юре, причины этой тенденции и шаги Германии, направленные на её развитие. Раскрыты особенности и “проблемные узлы” торгово-экономического сотрудничества сторон, включая военно-техническую кооперацию. Сделан вывод об опасности для Германии разворота Швеции в сторону США с точки зрения обеспечения растущих амбиций Берлина.

Ключевые слова: Германия, Швеция, сотрудничество, Балтийский регион, НАТО, вооружённые конфликты, внешняя торговля, “Индустрия 4.0”.

Модели политического, экономического, социального и культурного развития Германии и Швеции – крупнейших в Центральной и Северной Европе соответственно – обладают большим числом общих черт. Так, в целом внешняя политика Швеции до принятия ею нейтрального статуса (1815) и Германии до поражения во Второй мировой войне (1945) характеризовались общим стремлением к экспансии и формированию имперского типа государства с закреплением доминирующего положения титульной нации. Примечательно, что у рассматриваемых стран периоды пиковых усилий и результатов в деле обретения статуса великой державы (в Европе и мире) не совпадали. Для Германии эти были вторая половина X – начало XIII вв., середина XVIII века, 1871–1918 гг. и 1933–1945 гг., а для Швеции – VIII – начало XI вв. и 1632–1721 гг. Этот факт не только обеспечивал отсутствие длительных периодов их жёсткого соперничества, но и случаи возникновения фаз тесного сотрудничества¹. С геополитической и геоэкономической точек зрения ключе-

¹ В период Тридцатилетней войны возник достаточно устойчивый союз Швеции и протестантских германских князей. В годы Второй мировой войны Королевство не только предоставляло Третьему рейху руду для производства тяжёлой техники, но и активно перевозило военнотружеников вермахта (1 млн перевозок в 1940–1944 гг.) (см.: [Корунова, 2017]).

вым знаменателем сотрудничества стран продолжает оставаться заинтересованность во взаимном учёте интересов в зоне Балтийского моря. Каждый стратегический шаг одного партнёра в этом регионе является чувствительным для другого, учитывая интенсивность и масштаб кооперации Германии и Швеции, особенно хозяйственной и военно-политической.

На современном этапе практически идентичны ключевые вызовы безопасности ФРГ и Королевства – как внешние, так и внутренние. К числу первых относятся “российская угроза”, а также активизация террористов и массовая иммиграция в ЕС как производные распространения и углубления нестабильности на Ближнем Востоке и северной части Африки. Главный внутренний вызов – глубокая трансформация партийно-политического ландшафта, чреватая утратой власти действующими элитами в широком смысле этого слова. Наблюдается снижение электоральной поддержки крупнейших традиционных партий (в случае ФРГ это “народные” Христианско-демократический союз (ХДС) и Социал-демократическая партия Германии (СДПГ), в случае Швеции к таковым можно отнести Социал-демократическую партию Швеции). Одна из причин этого – рост электоральной поддержки крайне правых сил – “Альтернативы для Германии” и “Шведских демократов”. Пройдя в Бундестаг (с 2017 г.) и Риксдаг (с 2010 г.), они вырастают в крупные партии с увеличивающимся парламентским присутствием. Эта тенденция уже в среднесрочной перспективе может привести к существенному сужению для правительств в обеих странах возможности по принятию и реализации широкого комплекса внутри- и внешнеполитических решений.

В условиях парламентской политической системы бюрократические возможности властей Германии, равно как и Швеции, по пресечению дальнейшего роста влияния крайне правых сил весьма ограничены. В этих условиях единственным выходом для действующих элит становится поиск нестандартных внутри- и внешнеполитических решений, причём в большинстве случаев значительный эффект их реализация может дать только при условии тесной кооперации с партнёрами по Евро-Атлантическому сообществу. В этой связи *задача* статьи – исследовать направленность и содержание взаимодействия Германии и Швеции в реалиях 2010-х гг. Отечественные специалисты затрагивали данную тематику достаточно точно [Рымко, 2007]. Фрагментарное освещение она нашла и в работах западных учёных [Major, von Voss, 2016: 6–7]. Несоизмеримо более подробно изучалась тематика внутривнутриполитического развития ФРГ и Шведского королевства [Плевако, 2019], а также чувствительного для Германии вопроса возможного вступления Швеции в НАТО [Плевако, 2018]. Данная статья представляет собой попытку частично восполнить указанный пробел в научных знаниях.

Общеполитические контуры отношений

Германо-шведские политические контакты интенсивно развиваются. Так, помимо встреч на саммитах ЕС и НАТО с участием государств-партнёров, главы правительств ФРГ и Королевства совершают взаимные визиты со средним интервалом в 12–14 месяцев¹. Традиционно этим встречам предшествуют консультации мини-

¹ Рассчитано автором на основе данных с сайта МИД ФРГ. URL: <https://www.auswaertiges-amt.de>.

стров иностранных дел и их заместителей. Так, статс-министр (заместитель главы МИД) ФРГ М. Рот в феврале 2018 г. детально обсудил со шведским коллегой вопросы двустороннего сотрудничества в области обеспечения безопасности в контексте сохранения напряжённости в Балтийском регионе – интенсификации военных учений и наращивания силовых потенциалов странами-участницами Евро-Атлантического сообщества с одной стороны и РФ – с другой. Уже в марте 2018 г. рассмотрение тематики было продолжено А. Меркель и С. Лёвином¹.

Вместе с тем до середины 2010-х гг. степень институционализации политических отношений двух стран была невысокой: на фоне сотрудничества в Совете государств Балтийского моря (создан в 1992 г.) отсутствовали постоянные механизмы межправительственного и ведомственного сотрудничества. Во-первых, до середины 2010-х гг. наблюдались лишь две основные волны запуска ФРГ дву-, трёх- и четырёхсторонних переговорных форматов: в 1950-е – 1960-е гг. (в основном с державами НАТО) и первой половине 1990-х гг. (со странами Восточной Европы, стремившимися оперативно получить гарантии безопасности от НАТО). Вследствие своего нейтрального статуса (условного с 1995 г. после вступления в ЕС) Швеция не вошла ни в одну из данных групп государств. Во-вторых, недостаток институционализированных форматов в политической сфере в полной мере компенсировался большой плотностью постоянно действующих площадок по экономическому сотрудничеству, центральную роль в которых играют торговые палаты².

Германские исследователи отмечали резкое увеличение значимости Северной Европы (и особенно Швеции) во внешнеполитическом планировании и деятельности ФРГ в условиях стратегического ухудшения отношений России и Запада (с 2014 г.) [Major, von Voss, 2016: 6–7]. В качестве ключевой причины данной тенденции выделялись опасения официального Берлина относительно перерастания многочисленных инцидентов в Балтийском регионе в полноценный военно-политический кризис с неконтролируемыми последствиями для всех сторон. Так, со второй половины 2014 г. ФРГ стремилась повысить интенсивность политических отношений с Королевством, в частности, инициировав создание нового формата на уровне глав МИД с участием Швеции, Финляндии, Дании³.

Определяя предпосылки роста заинтересованности Берлина в углублении диалога со Швецией, следует выделить и ещё одну, имеющую долгосрочный характер. Утверждение ФРГ в статусе полноправной державы на уровне как Евро-Атлантического сообщества, так и общемировом невозможно без поддержки со стороны малых и средних государств – членов ЕС. Поддержка Швеции важна для Германии вследствие большого числа общих знаменателей сотрудничества – исторической, социокультурной, экономической близости и в целом совпадения интересов в области международной безопасности. Это касается как координации усилий по недопущению эскалации напряжённости в Балтийском регионе, так и со-

¹ Beziehungen zu Deutschland (von Schweden). 2018. URL: <https://www.auswaertiges-amt.de/de/aussenpolitik/schweden-node/bilateral/210208> (дата обращения: 11.09.2019).

² Ibid.

³ См.: Enge Beratungen im neuen “N3+1”-Format. 2014. URL: <https://www.auswaertiges-amt.de/de/aussenpolitik/laender/daenemark-node/141201-n3-1-kopenhagen/267302> (дата обращения: 11.09.2019).

вместного противодействия растущему спектру вызовов из нестабильных государств Азии и Африки.

Сотрудничество в области стабилизации обстановки за пределами Евро-Атлантического сообщества

В годы “холодной войны” Швеция, используя свой нейтральный статус, играла значимую роль в области миротворчества и поддержания мира в странах “третьего мира” [Tullberg, 2012]. Напротив, западногерманское государство не принимало участия в этом процессе, сосредоточив практически все военные ресурсы на решении задач по обеспечению территориальной обороны.

В реалиях постбиполярного миропорядка отчётливо проявилась тенденция переориентации усилий стран – участниц блока НАТО на решение проблем безопасности на территориях за пределами зоны ответственности Альянса. Особенно отчётливо она проявилась на примере объединившейся ФРГ. С начала 1990-х гг. она стала последовательно увеличивать объёмы и расширять географический диапазон использования бундесвера за пределами Евро-Атлантического сообщества. В то же время удельный вес усилий Швеции в области миротворчества и поддержания мира постепенно уменьшался, причём всё чаще королевские войска стали применяться не только и не столько под эгидой ООН (как это было в 1950-е – 1980-е гг.), но ЕС и НАТО.

Это привело к совпадению ключевых векторов использования ФРГ и Швецией своих миротворческих контингентов – в 1990-е гг. таковыми являлись Балканы (в первую очередь, обеспечение стабилизации и мира в Боснии и Герцеговине), а в 2000-е гг. – Афганистан. Географически районы применения бундесвера и королевских войск или располагались рядом, или совпадали. Так, в составе войск Международных сил содействия безопасности (МССБ/ISAF) в Афганистане ФРГ развернула континенты в г. Кабул, провинциях Бадахшан, Кундуз (где были созданы германские провинциальные восстановительные команды (ПВК) [Hett, 2005: 12–18]) и Балх, где была учреждена шведская ПВК. В ключевом городе Балха – Мазари-Шарифе – было развернуто управление войск МССБ “Север”, основу которого составляли германские, а также шведские офицеры [The Bundeswehr, 2009: 81–82]. Чем объяснялось это географическое совпадение? Во-первых, к середине 2000-х гг., когда началось первое расширение зоны ответственности МССБ за пределы Кабула – на север – именно ФРГ и Нидерланды, и в несколько меньшей степени Швеция играли основную роль в деятельности ISAF (в т.ч. с точки зрения удельного веса своих контингентов). Во-вторых, что более существенно, североафганские провинции считались наиболее спокойными. Следовательно, именно там могли быть достигнуты наибольшие результаты не только в деле поддержания мира, но и государственном строительстве, в процессе которого значимая роль отводилась ПВК. Кроме того, небольшими (особенно по сравнению с югом Афганистана) были и боевые потери личного состава обоих национальных вооружённых сил, что было крайне важно для сохранения парламентского мандата на их использование со стороны Бундестага и Риксдага.

В первой половине – середине 2010-х гг. наиболее опасные для стран-участниц Евро-Атлантического сообщества очаги нестабильности располагались уже не только в Центральной Азии, но на Ближнем Востоке и северной части Африки. Наблюдаемый с середины 2010-х гг. на территории стран – участниц ЕС резкий рост угрозы международного терроризма и во многом порождаемой им массовой некон-

тролируемой миграции из нестабильных стран в данных регионах создал серьёзную дилемму во внешней политике Германии, равно как и Швеции. Правительства обеих стран оказались между Сциллой увеличения масштаба и числа операций по миротворчеству и Харибдой несения в ходе них боевых потерь (особенно летальных). Каждая, даже ограниченная по масштабам, неудача в первом случае, равно как во втором, используется оппозицией – особенно крайне правыми партиями (“Альтернатива для Германии” и “Шведские демократы”) – для нового снижения электорального доверия к действующим властям. В этой связи как для левой, так и крайне правой оппозиции ФРГ характерно оперативное и максимально полное придание гласности всех шагов властей, которые они пытаются скрыть от общественности (в частности, факты боевого использования спецназа бундесвера в Афганистане и Сирии в обход парламентского мандата) [Schwarzbuch, 2016].

При этом с середины 2010-х гг. прослеживается тенденция уменьшения (как в абсолютном, так и относительном выражении) объёмов участия национальных вооружённых сил Германии и Швеции в урегулировании вооружённых конфликтов за пределами Евро-Атлантического сообщества. Так, в 2011 г. на афганской территории было развёрнуто до 5 тысяч военнослужащих бундесвера¹ (всего вне зоны ответственности находилось свыше 7 тысяч военнослужащих). По состоянию на декабрь 2018 г. суммарная численность германских контингентов в Афганистане (1149 солдат и офицеров) и Мали (1062) едва превышала 2,2 тысячи военнослужащих (при общем количестве германских войск за границами европейского континента в 3,4 тысячи)². В случае Швеции такая тенденция привела в середине 2010-х гг. к необходимости выбирать лишь одно приоритетное географическое направление для использования национальных вооружённых сил. Таковым, в ущерб Афганистану, было избрано Мали (0,4 тысячи военнослужащих)³. Чем обусловлена данная тенденция уменьшения военных ресурсов, используемых вне зоны ответственности Альянса и ЕС? Прежде всего, перефокусированием внимания на обеспечение территориальной обороны в связи с новым восприятием “российской угрозы”. При этом, особенно после терактов 13 ноября 2015 г. в Париже, ряд стран – участниц ЕС (прежде всего, сама Франция) подчеркнули приоритетность борьбы с рисками нестабильности, исходящими из конфликтогенных стран Ближнего Востока и Африки [Major, von Voss, 2016: 6]. Затяжная борьба с международным терроризмом, что показал пример Сирии в 2013–2015 гг., быстро может превратить государства – члены ЕС, из субъектов, недостаточно энергично участвующих в миротворчестве, в объект атаки боевиков или притяжения беженцев из зон конфликтов.

¹ Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte an dem Einsatz der Internationalen Sicherheitsunterstützungstruppe in Afghanistan (International Security Assistance Force, ISAF) Deutscher Bundestag, 17. Wahlperiode. Drucksache 17/4402, 13.01.2011. S. 1–2.

² Anzahl der an internationalen Einsätzen beteiligten deutschen Soldaten der Bundeswehr. URL: <https://de.statista.com/statistik/daten/studie/72703/umfrage/anzahl-der-soldaten-der-bundeswehr-im-ausland/> (дата обращения: 11.09.2019).

³ The information is taken from: Current international missions – Swedish Armed Forces. URL: <https://www.forsvarmakten.se/en/activities/current-international-missions2/> (дата обращения: 11.09.2019).

Как можно преодолеть указанное противоречие? Во-первых, насыщение войск автоматизированными системами (особенно разведывательными). Передача групп беспилотников батальонным и тем более ротным тактическим группам существенно увеличивает их “живучесть”, позволяя достигать тактического преимущества над противником [Franke, 2016: 3–5], что уже продемонстрировал германский контингент в Мали [Hanish, 2015: 3–4]. Вопрос кооперации в деле производства и разработки дронов (особенно крупногабаритных) является перспективным направлением германо-шведского сотрудничества. Во-вторых, это сочетание деятельности по миротворчеству с военно-тренировочной в отношении вновь создаваемых частей и подразделений государств, на территории которых осуществляется урегулирование. Так, в случае Мали наблюдается одновременное участие в миссиях MINUSMA (по поддержанию мира) и EUTM Mali (по обучению вооружённых сил этой африканской страны) со стороны Германии и Швеции со времени их включения в процесс урегулирования (2013–2014 гг.). Наконец, в-третьих, это недопущение новых витков напряжённости в отношениях Запада и России, что позволит существенно увеличить численность войск для борьбы с международным терроризмом. Достижение этого положения во многом будет зависеть от готовности Шведского королевства воздерживаться от присоединения к Североатлантическому блоку.

Германия и вопрос вступления Швеции в НАТО

С 2014 г. отчётливо наблюдается политический дрейф Королевства (и во многом ориентирующейся на него Финляндии) в сторону сближения с НАТО. Формально Германия в принципе не может выступать против вступления Швеции в Альянс как минимум в силу того, что это приведёт к глубокому кризису доверия с рядом государств-партнёров по блоку – в первую очередь Норвегией. Обладая разветвлёнными трансатлантическими связями (которые не только не ослабли, но, напротив, укрепились при администрации Д. Трампа), Норвежское королевство объективно заинтересовано во вхождении Швеции в блок в качестве инструмента дальнейшего укрепления тандема двух скандинавских государств. Иллюстрацией этого стало проведение масштабных (свыше 50 тысяч военнослужащих, 10 тысяч единиц наземной техники, 65 кораблей) учений НАТО “Trident Juncture 2018” не только в субарктических провинциях Норвегии, но и наиболее северных лесах Швеции¹.

В ходе украинских событий пиком сближения Швеции и Финляндии с НАТО стало подписание меморандумов о полном взаимопонимании с блоком на полях саммита в Уэльсе (4–5 сентября 2014 г.)². Следующей мерой с высокой вероятностью могло стать полноценное вступление двух североевропейских стран в Организацию Североатлантического договора. Однако этого не произошло, чему в немалой степени способствовали усилия германской дипломатии. Уже 1 декабря 2014 г. тогдашний глава МИД ФРГ Ф.-В. Штайнмайер инициировал запуск нового переговорного формата “N3+1” с участием североевропейских стран – участниц ЕС. В 2016 г. состоялась вторая встреча на уровне глав внешнеполитических ведомств в формате “N3+1”.

¹ Trident Juncture 2018. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_158620.htm (дата обращения: 11.09.2019).

² См.: Wales Summit Declaration, 5 September 2014. URL: http://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_112964.htm (дата обращения: 11.09.2019).

Вкупе с отсутствием в его составе Норвегии показательна и тематика переговоров: готовность Германии содействовать снижению опасений партнёров в отношении “российской угрозы” на дву-, четырёхсторонних уровнях и в рамках ЕС¹. По мнению автора, главной целью ФРГ при запуске нового переговорного формата являлось стремление убедить Швецию (и Финляндию) в нецелесообразности вступления в НАТО, предоставив ей дополнительные гарантии безопасности в национальном качестве. Косвенным подтверждением тому служит отказ от активного использования площадки “N3+1” в 2017–2019 гг., когда власти в Стокгольме и Хельсинки избрали путь сотрудничества с блоком де-факто без юридического оформления этих отношений. Ещё одной иллюстрацией линии ФРГ стал её отказ, в отличие от США и Франции, от отправки значительного воинского контингента для участия в масштабных учениях шведских вооружённых сил “Aurora 17” в сентябре 2017 г.²: факт участия в них стран – участниц НАТО позиционировался как демонстрация военной помощи блока Королевству³.

Чем обусловлена позиция ФРГ? Во-первых, стремлением избежать неконтролируемой эскалации напряжённости в зоне Балтийского моря. Этот регион уверенно лидирует с 2014 г. по числу инцидентов (в основном военно-воздушных) между государствами – членами НАТО и РФ. Вступление Швеции в Альянс резко ускорит наращивание силовых потенциалов в регионе. Для Германии, равно как и самого Королевства, это приведёт к сокращению и без того ограниченных контингентов, ответственных за стабилизацию конфликтогенных государств Ближнего Востока и особенно Африки. Кроме того, с учётом стремления администрации Д. Трампа к монетаризации отношений с партнёрами по НАТО и общего размывания духа трансатлантической солидарности встанёт вопрос о том, насколько США реально в кризисной ситуации готовы предоставить помощь партнёрам.

Во-вторых, присоединение Швеции к Альянсу неизбежно приведёт к переориентированию её на США и ещё большему укреплению связей с Норвегией, что с очень высокой долей вероятности будет сопровождаться ослаблением связей с Германией. Официальный Стокгольм и без того проявляет сдержанность в отношении стратегических инициатив ЕС, отстаиваемых германо-французским тандемом, – так, шведская сторона формально присоединилась к платформе PESCO (2017), однако пока не создала в её рамках ни одного национального проектного комитета⁴.

Следует подчеркнуть, что возможное ослабление германо-шведских связей приведёт к падению влияния ФРГ в Северной Европе в целом, притом в прямо пропорциональной зависимости. В этой части континента именно Королевство выступает, с точки зрения автора, приоритетным партнёром для официального Берлина. Углубление германо-шведских отношений – стержень процесса встраивания ФРГ в

¹ Enge Beratungen im neuen “N3+1“-Format. 2014. URL: <https://www.auswaertiges-amt.de/de/aussepolitk/laender/daenemark-node/141201-n3-1-kopenhagen/267302> (дата обращения: 11.09.2019).

² Aurora 17 – Swedish Armed Forces – Försvarsmakten. URL: <https://www.forsvarmakten.se/en/activities/exercises/aurora-17/> (дата обращения: 11.09.2019).

³ Ibid.

⁴ Permanent Structured Cooperation (PESCO) first collaborative PESCO projects. URL: <https://www.consilium.europa.eu/media/32082/pesco-overview-of-first-collaborative-of-projects-for-press-pdf> (дата обращения: 11.09.2019).

качестве значимого внешнего игрока в североευропейскую региональную подсистему. Последнее обусловлено уже отмеченной ранее ориентацией Норвегии на США, отсутствием ярко выраженных претензий на региональное лидерство у Исландии, Дании и Финляндии, причём последняя всё чаще вновь воспринимает Швецию в качестве “старшего партнёра”, особенно в политико-военной сфере [Трунов, 2018: 146–148].

В ближне- и среднесрочной перспективе, Швеция с высокой долей вероятности продолжит придерживаться формально нейтрального статуса, при этом развивая сотрудничество с НАТО де-факто. В пользу этого говорит цикл мер официального Стокгольма по увеличению собственного военного потенциала темпами, опережающими средние по европейским государствам – членам НАТО: так, к середине 2020-х гг. планируется удвоение численности королевских войск и уже осуществлено возвращение к призыву (2018)¹. В свою очередь, ФРГ, с точки зрения автора, продолжит проявлять заинтересованность в сохранении де-юре условного нейтрального статуса Швеции, в тесной увязке с этим содействуя наращиванию объёмов двустороннего экономического сотрудничества.

Особенности экономического сотрудничества и динамика военно-технической кооперации

Наряду с Норвегией, Финляндией и США Германия уверенно входит в число наиболее значимых экономических и торговых партнёров Швеции. Так, с начала 2010-х гг. ФРГ является крупнейшим импортёром Королевства: в 2017 г. показатель ввоза достиг 26,6 млрд евро² или 2,7 тыс. евро на одного шведского гражданина (при ВВП на душу населения в 47 тыс. евро).

Торговое сальдо для Швеции в двусторонней торговле имеет отрицательное значение (в среднем минус 8–10 млрд евро в текущем десятилетии). Так, в 2017 г. экспорт в ФРГ составил лишь 15,7 млрд евро или менее 190 евро на одного жителя Германии. На территории Королевства функционирует до 900 фирм из Федеративной Республики (в основном это филиалы и представительства крупных промышленных компаний) с 60 тысячами занятых, в Германии – порядка 1 250 шведских с 104 тысячами работников на них³. В 2018 г. эти показатели несколько снизились: экспорт ФРГ в Швецию сократился до 25,2 млрд евро, импорт – до 14,9 млрд евро, при этом количество германских компаний в Королевстве увеличилось до 950⁴. Большинство скандинавских фирм расположено в районах Франкфурта-на-Майне, Дюссельдорфа, Гамбурга (а также Берлина), а германских – в районах Мальмё/Гельсингборга и Гётеборга и Стокгольма⁵, то есть в ключевых районах сосредоточения промышленных предприятий.

¹ См.: Swedish Armed Forces – Statistics & Facts. URL:

<https://www.statista.com/topics/4256/swedish-armed-forces> (дата обращения: 11.09.2019).

² Beziehungen zu Deutschland (von Schweden). 2018. URL: <https://www.auswaertiges-amt.de/de/aussenpolitik/schweden-node/bilateral/210208> (дата обращения: 11.09.2019).

³ Ibid.

⁴ Handel zwischen Schweden und Deutschland. 2019. URL:

<https://www.handelskammer.se/de/schweden-deutschland> (дата обращения: 11.09.2019).

⁵ Beziehungen zu Deutschland (von Schweden). 2018. URL: <https://www.auswaertiges-amt.de/de/aussenpolitik/schweden-node/bilateral/210208> (дата обращения: 11.09.2019).

Высокий удельный вес реального сектора в экономике является общей отличительной чертой её развития как в случае Германии, так и Швеции. С одной стороны, это закладывает серьёзные предпосылки для углубления технической, равно как и технологической кооперации в условиях перехода обеих стран к укладу “Индустрии 4.0”. Это сотрудничество может стать одним из симметричных ответов в рамках Евро-Атлантического сообщества на те конкурентные риски, которые несёт с собой курс на реиндустриализацию, проводимую администрацией Д. Трампа [Иванова, 2018: 72–78]. С другой стороны, схожесть моделей экономического развития Германии и Швеции порождает и определённые “болевые узлы” в их отношениях. Помимо отрицательного для Королевства значения торгового сальдо, это наличие жёсткой конкуренции в отдельных отраслях промышленного производства (в том числе оборонного), особенно имеющих экспортную направленность, – в частности, строительства дизельных подводных лодок (ПЛ). Так, ФРГ и Королевство борются за рынки сбыта своих ПЛ – германской серии 212А и шведской типа “Сёдерманланд”, являющихся лучшими в мире по своим тактико-техническим характеристикам (особенно малозумности). Иллюстрацией этой конкуренции является полное отсутствие военно-технической (и тем более технологической) кооперации в деле развития подводных флотов двух стран на фоне в целом динамично развивающихся военно-экономических контактов (табл. 1).

В 2015–2016 гг. наблюдался рост объёмов закупок германских вооружений и военной техники – особенно в интересах сухопутных войск, в том числе армейской авиации, что связано со стартом первой волны их переоснащения. Учитывая планы официального Стокгольма по увеличению численности вооружённых сил (и особенно войск, предназначенных для территориальной обороны), ожидается рост объёмов экспорта военной продукции ФРГ и упрочение ей роли страны, играющей одну из ключевых внешних ролей в модернизации наземных войск Королевства.

* * *

Интерес со стороны ФРГ к углублению сотрудничества со Швецией существенно выше, чем наоборот. На это указывает динамика политико-дипломатических (инициатива Германии по созданию формата N3+1), военных и экономических (значительное положительное значение торгового сальдо) отношений двух стран. В этой связи наибольшую опасность для ФРГ будет представлять стратегический разворот Швеции в сторону англосаксонских держав во главе с США, чему способствует Норвегия. Для Германии развитие этого сценария приведёт к трём ключевым негативным последствиям. *Первое* – это невозможность сохранить и тем более упрочить своё влияние в североевропейской региональной подсистеме в качестве значимого внешнего игрока, что резко усложнит для ФРГ отстаивание интересов в Балтийском регионе, равно как и экономическое проникновение в Арктику. *Второе*, усложнение реализации своих растущих лидерских амбиций в рамках Евро-Атлантического сообщества. Основным способом достижения этой цели является для ФРГ углубление кооперации с ключевыми партнёрами среди средних и малых стран ЕС (к числу которых относится и Швеция) по всем трекам, в том числе в деле противодействия угрозам, исходящим от нестабильных государств Африки и Азии.

Таблица 1.

Динамика военного экспорта Германии в Швецию в 2010-е гг.¹

Год	Объём экспорта ² (число сделок)	Место в списке государств-импортёров топ-20	Основные статьи экспорта
2010	50,7 млн евро (321)	-	
2011	67,1 млн евро (442)	20	Грузовики
2012	73,7 млн евро (365)	17	Горные танки, комплектующие для тяжёлой гусеничной техники
2013	91,3 млн евро (398)	18	Комплектующие для тяжёлой гусеничной техники
2014	56,9 млн евро (276)	19	Вертолёты, гранатомёты
2015	144,9 млн евро (284)	10	Вертолёты, запчасти для боевых и транспортных самолётов
2016	122,8 млн евро (274)	11	Комплектующие и боеприпасы для орудий, гранатомётов, стрелкового оружия и танков, БМП, БТР
2017	53,7 млн евро (255)	-	
2018	77,7 млн евро (278)	18	Средства радиоуправления, комплектующие для боевых самолётов, вертолётов, ракет

Наконец, *третье* последствие – это переориентация шведской промышленности на кооперацию (в т.ч. технологическую) с США в рамках перехода к новому укладу на основе “Индустрии 4.0”, что может иметь негативные последствия для экономического развития ФРГ, в том числе для наращивания её экспортного потенциала. Поддержка Швеции важна для Германии и в деле строительства “Северного потока – 2” по дну Балтийского моря (см. [Paul, 2019: 3–4]).

Список литературы

- Иванова А.К. (2018) Германо-американские экономические отношения, *Германия-2017*, Институт Европы РАН, Москва, Россия, с. 71–82.
- Корунова Е.В. (2017) Скандинавские страны накануне и в первые годы Второй мировой войны, *В поисках формулы безопасности*, ЭНОЖ “История”, Москва, Россия, № 4.
- Плевако Н.С. (2019) Парламентский кризис в Швеции 2018 г. и “третья сила”, *Современная Европа*, № 2, с. 95–105.
- Плевако Н.С. (2018) Выборы в Швеции и НАТО, *Научно-аналитический Вестник Института Европы РАН, Электронный журнал*, № 4.
- Рымко Е.П. (2007) *О Швеции, шведах и многом другом...* Научная книга, Москва, Россия, 282 с.

¹ Таблица составлена на основе данных ежегодных докладов федерального правительства по экспортной политике в области обычных (конвенциональных) вооружений за 2009–2017 гг. (Berichte der Bundesregierung über ihre Exportpolitik für konventionelle Rüstungsgüter im Jahre).

² В ценах того года, который указан.

Трунов Ф.О. (2018) Североевропейское измерение деятельности НАТО на современном этапе, *Проблемы европейской безопасности. Сборник научных трудов*, Выпуск 3, ИНИОН РАН, Москва, Россия, с. 129–149.

References

- Franke Ul. E. (2016) *Proliferated drones. A perspective on Germany*, Center for a New American Security, Washington, USA, 12 p.
- Hanish M (2015) A new quality of engagement Germany's extended military operation in northern Mali. Bundesakademie für Sicherheitspolitik. *Security Policy Working Paper*, No. 8/2015. 5 p.
- Hett J. (2005) *Provincial Reconstruction Teams in Afghanistan. Das amerikanische, britische und deutsche Modell*, Zentrum für Internationale Friedenseinsätze, Berlin, 30 p.
- Ivanova A.K. (2018) Germano-amerikanskije ekonomicheskie otnosheniya, *Germaniya-2017*, Institut Evropy RAN, Moscow, Russia, pp. 71–82.
- Korunova E.V. (2017) Skandinavskie strany nakanune i v pervye gody Vtoroj mirovoj vojny, *V poiskah formuly bezopasnosti*, ENOZH "Istoriya", Moscow, Russia, no. 4.
- Major C., von Voss A. (2016) Nordic-Baltic Security, Germany and NATO, *SWP Comment*, no. 13, 8 p.
- Paul M. (2019) Polar Power USA: Full Steam Ahead into the Arctic Michael Paul, *WP Comment*, no. 42, 4 p.
- Plevako N.S. (2019) Parlament'skij krizis v Shvecii 2018 g. i "tret'ya sila", *Sovremennaya Evropa*, no. 2, pp. 95–105.
- Plevako N.S. (2018) Vyborny v Shvecii i NATO, *Nauchno-analiticheskij Vestnik Instituta Evropy RAN. Elektronnyj zhurnal*, no. 4.
- Rymko E.P. (2007) *O Shvecii, shvedah i mnogom drugom...* Nauchnaya kniga, Moscow, Russia, 282 p.
- Schwarzbuch. Kritisches Handbuch zur Aufrüstung und Einsatzorientierung der Bundeswehr (2016) Rosa-Luxemburg-Stiftung und Fraktion die LINKE, Berlin, 124 p.
- The Bundeswehr on Operations: Publication to Mark the 15th Anniversary of the First Parliamentary Mandate for Armed Bundeswehr Missions Abroad (2009) Federal Ministry of Defense, Berlin, 120 p.
- Trunov F.O. (2018) Severoevropejskoe izmerenie deyatel'nosti NATO na sovremennom etape. Problemy evropejskoj bezopasnosti, *Sbornik nauchnyh trudov*, issue 3, INION RAN, Moscow, Russia, pp. 129–149.
- Tullberg A. (2012) "We are in the Congo now": Sweden and the trinity of peacekeeping during the Congo crisis 1960–1964, Lund University, Lund, 309 p.

German-Swedish Relations in the Modern Period

Author: Trunov Ph., Candidate of Sciences (Political), Senior scientific researcher, the Department of Europe and America, INION RAS. **Address:** 51/21, Nachimovskiy prospect, Moscow, Russia, 117997. **E-mail:** ltrunov@mail.ru

Abstract. The article provides insight into the military-political prerequisites for deepening cooperation between Germany and Sweden. The author explores the increasing role of the Kingdom of Sweden in German foreign policy planning (primarily in the sphere of international security) since the mid 2010's. The article also highlights the issues of multilateral negotiating platforms with joint participation, the coordination between Germany and Sweden in the sphere of the armed conflicts resolution in the unstable African and Asian states (particularly in Mali). It is concluded that Germany is interested in Sweden to stay formally outside NATO. The author discusses the features and problems of bilateral trade-economic cooperation, including the questions of military-technical cooperation. The author argues that the potential Swedish pivot to the USA is undesirable for Germany in terms of ensuring its growing ambitions as a power within the Euro-Atlantic regional subsystem and at the global level.

Key words: Germany, Sweden, cooperation, Baltic region, NATO, armed conflicts, external trade, Industry 4.0.

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope120206979>